Терри Пратчетт

Дамы и Господа

МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
LORDS AND LADIES

LORDS AND LADIES © Terry & Lyn Pratchett 1992
First published by Victor Gollancz Ltd, London
This edition published by arrangement wth Orion Publishing Group and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Александра Гагинского*
Иллюстрация на переплете и в тексте *Полины Граф*
Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Пратчетт, Терри.
П70 Дамы и Господа / Терри Пратчетт ; [перевод с английского А. Гагинского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-225626-4

Этой летней ночью жителям королевства Ланкр суждено увидеть воистину дивные сны. Где найдется место театру, музыке, романтике, эльфам... и крови.

Матушка Ветровоск и ее маленький ковен возвращаются из-за границы, чтобы столкнуться дома с новыми угрозами. С глупыми юными ведьмами, которые призывают из-за границы миров то, чего не понимают. С эльфами, чьи веселые игры совсем не покажутся веселыми тем, с кем они решат поиграть. С надвигающейся свадьбой Маграт Чесногк, в конце концов.

Впрочем, со вторжением эльфов все же стоит разобраться в первую очередь. Ведь иначе в день праздника на улицах Ланкра будут литься отнюдь не любимые пенные напитки нянюшки Ягг...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-225626-4

© Гагинский А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Итак, продолжение следует...

С чего бы начать?

Начал много не бывает. Нет, конечно, порой что-то *кажется* началом.

Поднимается занавес, ходит первая пешка, гремит первый выстрел...[1] но *само это* ещё не начало. Спектакль, игра, война — лишь кадр на ленте событий, которые тянутся в прошлое, порой на тысячи лет. Суть в том, что всегда было что-то *раньше*. Это *всегда* продолжение, которое следует.

Лучшие умы бились над поисками самого первого «раньше».

Актуальную трактовку этого вопроса можно изложить так: в начале всего не было ничего, а потом оно как рванёт!

Есть и другие теории: мол, Вселенная началась с богов, а те создали её из рёбер, кишок и яичек своего отца†. Таких историй много. Они, конечно, интересны, но лишь тем, что говорят нам не о кос-

---

[1] И наверняка в ту первую пешку.

† Боги любят пошутить не меньше нашего.

мологии, а о самих людях. Эй, ребята, как думаете, из каких органов делали *ваш* городишко?

Но *эта* история начинается на Плоском мире, что летит через космос на спинах четырёх огромных слонов, а те стоят на панцире исполинской черепахи. Он уж точно не сделан из чьего-то тела.

Так с чего же начать?

Может, с того, что было тысячи лет назад? Когда раскалённые камни с рёвом хлынули с небес, пробили дыру в Медной горе и повалили лес на десять миль окрест?

Гномы потом выкопали эти камни, ведь те были из чего-то вроде железа, а гномы, вопреки стереотипам, этот металл ценят больше золота. Просто про железо не так хорошо получаются песни, хоть его и больше в природе. Но так-то гномы железо любят.

А в тех камнях именно это и хранилось. Любовь к железу. Такая крепкая, что притягивала к себе всё железное. Трое гномов, наткнувшихся на них первыми, вырвались с огромным трудом, лишь сбросив кольчужные портки.

В ядрах многих миров лежит железо.

Но у Плоского мира нет ядра — он как блинчик.

В этом мире заколдованные стрелочки всегда указывают на Пуп, где магия сильней. Всё просто.

В других мирах, сделанных не с такой фантазией, стрелка с любовью тянется к железу.

В то время гномам и людям ой как пригодилась эта любовь к железу...

ДАМЫ И ГОСПОДА

А теперь промотаем время вперёд на тысячи лет, в момент примерно лет за пятьдесят до «сейчас». Вот холм, по нему бежит девушка. Ни от чего такого не убегает, ни за чем конкретно не гонится. Просто бежит с такой скоростью, чтобы оставаться впереди вон того юноши, но и не так быстро, чтобы оторваться. Они бегут из лесу в долину с камышами, а там, на небольшой возвышенности, — те самые камни.

Высотой они примерно с человека, толщиной — чуть больше человека толстого.

Почему-то они не кажутся *особенными*. Бывают круги камней, к которым само воображение не советует приближаться — в них ещё должны быть циклопические трилитоны и невообразимо древние алтари, разящие богомерзкой памятью о чудовищных жертвоприношениях. А не эти унылые валуны.

Оказалось, она всё-таки на сей раз слишком быстро бежала. Преследовавший её с хохотом юноша отстал, устал и в итоге побрёл обратно в посёлок один. Она пока ещё не знает о том — она беспечно стоит, поправляя цветочный венок в волосах. То был особенный летний полдень.

Про камни она знает. Правда, ей про них никто не *рассказывал*. И не запрещал к ним подходить — ведь те, кто не рассказывает про камни, отлично понимают, как сладок запретный плод. Просто... ну, не принято ходить к этим камням. Особенно милым девушкам.

Но тут перед нами девушка не милая. Для начала, не то чтобы красавица. Ну, если глядеть при удачном освещении и попутном ветре, очертания её подбородка и горбинку на носу можно назвать симпатичными — если вы хотите польстить. К тому же блеск в её глазах выдавал человека, который уже осознал, что умнее большинства окружающих, но ещё не сообразил, что умнее всего будет не дать окружающим об этом догадаться. В сочетании с носом это придавало ей немного хищный вид, который смущал собеседников. Не то лицо, с которым хочется поболтать. Откроешь рот — и тут тебя пронзают таким взглядом, будто говорят: «Ты уж постарайся вякнуть хоть что-то стоящее».

Теперь этот взор столь же пронзительно изучал те восемь камушков на взгорке.

Хм-м!

Затем она осторожно подошла ближе. С осторожностью не зайца, готового сбежать, — так скорее двигаются охотницы.

Упёрла руки в бёдра (уж какие есть).

В знойном летнем небе чирикал жаворонок. Больше никаких звуков не раздавалось. Глубже в долине и выше в холмах шумело хоть что-то живое: стрекотали кузнечики, жужжали пчёлы, шелестела трава. Но вокруг камней всегда царила тишина.

— Я пришла, — сказала она. — Покажитесь.

В круге появилась фигура темноволосой женщины в красном платье. Круг неширок — можно

камень перекинуть, но каким-то образом фигура будто приближалась издалека.

Другой бы сбежал. Девушка осталась, и женщину в круге это сразу заинтриговало.

— Так вы существуете.

— Конечно. Как зовут тебя, дитя?

— Эсмеральда.

— И чего же ты хочешь?

— Ничего не хочу.

— Все чего-нибудь хотят. Иначе зачем *ты* здесь?

— Просто хотела проверить, правда ли вы существуете.

— Для тебя — конечно... У тебя *хорошее* зрение.

Девушка кивнула. Её гордость не пробил бы и таран.

— Что ж, ты это проверила, — продолжила дама в круге. — Чего же ты на самом деле хочешь?

— Ничего.

— Неужели? На той неделе ты поднялась до самой Медной горы поговорить с троллями. Чего ты от них хотела?

Девушка склонила голову набок.

— А вы откуда знаете?

— Да это у тебя прямо в голове, дитя. Любой бы прочитал. Любой, у кого... *хорошее* зрение.

— Когда-нибудь и этому научусь, — прихвастнула девушка.

— Кто знает? Почему бы нет. Так чего тебе надо было от троллей?

— Я... просто хотела поговорить. Представляете, они считают, что время идёт задом наперёд! Дескать, своё прошлое мы видим, а...

Дама в круге рассмеялась.

— Они такие же тупицы, как гномы! Их волнуют только камушки. А ничего интересного в камнях нет.

Девушка пожала одним плечом, словно признавая, что, вообще-то, и в камушках кое-что можно найти.

— А почему вы не можете выйти из круга?

Сразу повисло чувство, что такой вопрос задавать не стоило. Дама сделала вид, что не услышала.

— Я могу помочь тебе найти не только камушки, — сказала она.

— Так вы не можете, да?

— Позволь мне дать то, чего ты желаешь.

— Вот я могу ходить куда захочу, а вы застряли в круге, — продолжала девушка.

— *Правда* можешь куда захочешь?

— Вот стану ведьмой и смогу поехать *куда угодно.*

— Но ведьмой тебе не бывать.

— Чего это?

— Говорят, ты никого не слушаешь. Говорят, не можешь сдержать свой нрав. Говорят, тебе недостаёт дисциплины.

Девушка тряхнула волосами.

— Ах, вы и это знаете? Ну, говорят и говорят, и что? А я всё равно буду ведьмой. Могу и сама всему научиться. И не надо будет слушать старых перечниц, которые и не пожили как следует. Да-да, тётя в круге, я стану лучшей ведьмой всех времён!

— Полагаю, это возможно — с моей помощью, — ответила дама в круге. — Кстати, тебя ищет тот юноша, — добавила она мягко.

Девушка дёрнула другим плечом, как бы отвечая, что юноша может хоть весь день искать.

— Возможно, правда?

— Ты можешь стать отличной ведьмой. Можешь стать кем угодно. Кем пожелаешь. Зайди в круг. Я тебе покажу.

Девушка сделала пару шагов, но вдруг остановилась.

Что-то в голосе дамы ей не понравилось. Та улыбалась, как лучшая подруга, но в голосе звучало что-то не то... будто отчаяние, будто нетерпение, будто *голод*.

— Но я и так много учусь...

— Зайди в круг сейчас же!

Девушка всё ещё колебалась.

— А почём мне знать...

— Время на исходе, круг вот-вот закроется! Только подумай, чему ты можешь научиться! *Давай*!

— Но...

— *Заходи*!

Всё это было давным-давно в прошлом[1]. К тому же девка...

...стала старше.

[1] А как сказал кто-то мудрый, прошлое — это другая страна.

А вот ледяная страна...

Тут не зима, ведь для неё должна сперва быть осень, а в будущем возможна весна. Тут вам не сезон льда, а целая страна льда.

Вот три фигуры едут верхом, озирая круг из восьми камней у подножия заснеженного склона. С этой стороны камни кажутся намного крупнее.

Если понаблюдать за фигурами подольше, можно заметить в них нечто странное — и дело не только в диковинной одежде. Изо ртов коней валит пар на морозе. А изо ртов всадников — нет.

— И на сей раз мы не потерпим поражения, — сказала едущая в середине дама в красном. — Эта земля примет нас. Наверняка она уже возненавидела род людской.

— Но тут были ведьмы, — возразил её спутник. — А я помню ведьм...

— Были когда-то, — ответила дама. — А теперь... бедняжки, о, *бедняжки*. Никакой силы у них почти не осталось. Ими легко управлять. Податливые умы. Я тут уже пошарила, милые мои. Я здесь рыскала по ночам. Знаю я, какие у них нынче ведьмы. Предоставьте их мне.

— И я помню ведьм, — повторил третий всадник за вторым. — Умы у них... как из металла.

— Уже нет. Говорю вам, оставьте это мне.

Королева снисходительно улыбнулась кругу камней.

— А потом я отдам их вам, — продолжила она. — Себе же я хочу взять смертного мужа. *Избранного* смертного. Это будет союз миров. Чтобы показать им: на сей раз мы уже не уйдём.

— Королю это не понравится.

— А с каких *пор* это важно?

— Ни с каких, миледи.

— Пробил час, Ланкин. Круги открываются. Скоро мы сможем вернуться.

Второй всадник склонился к холке коня.

— И я начну вновь охотиться, — сказал он. — Когда? *Когда* уже?

— Скоро, — ответила Королева. — Скоро.

Ночь была темна — нет, такой темноты не добьёшься, просто закрыв луну и звёзды. Мгла будто струилась откуда-то извне — столь густая и осязаемая, что казалось, можно отрезать ломоть воздуха и отцедить из него ночь.

От такой тьмы овцы прыгают за ограду, а собаки воют на псарнях.

И при этом дул тёплый ветер — не сильный, но громкий. Он ухал по лесам, он стонал в дымоходах.

В такие ночи простые люди прячут головы под подушки, ощущая в душе, что в это время мир при-

надлежит кому-то иному. Поутру он снова станет человечьим — просто упадёт несколько веток, пара черепиц с крыши, но всё будет *по-людски*. А пока что... лучше не высовываться...

Но один человек не спал.

Джейсон Ягг, мастер-кузнец, покачал мехи в своей кузне разок-другой, просто для виду, и снова уселся на наковальню. В кузне всегда тепло, даже когда снаружи воет ветер.

Подковать он мог что угодно, уж таков он, Джейсон Ягг. Как-то шутки ради ему принесли муравья, так он всю ночь просидел с лупой над наковальней из булавочной головки. Тот муравей до сих пор где-то тут живёт — судя по тому, что бывает слышно цокот маленьких ножек.

Но этой ночью... ему придётся в каком-то смысле платить за проживание. Нет, кузня-то его личная. Её передавали из поколения в поколение. Но кузня — это не только кирпичи, горнило и железо. Он не знал, как это назвать, но оно точно было. Вот в чём разница между мастером-кузнецом и тем, кто просто гнёт железо в загогулины, зарабатывая на хлеб. Это «что-то» связано с железом. И ещё с тем, что ему дозволено быть мастером своего дела. Своего рода дань.

Как-то давно папаша отвёл его в сторону и объяснил, что надо делать такими ночами.

Будет, сказал он, такая ночь — ты, мол, сам поймёшь, когда наступит, — так вот, будет ночь, когда придут к тебе лошадь подковать. Прими гостя как

положено. Подкуй лошадь. Не отвлекайся. И не думай ни о чём, кроме подков.

Теперь он уже к этому привык.

Завыл ветер, где-то затрещало, ломаясь, дерево.

Щеколда загремела.

Затем кто-то постучал в дверь. Раз. Два.

Джейсон Ягг достал повязку и надел на глаза. «Это важно, — говорил папаша. — Помогает не отвлекаться».

Он распахнул дверь.

— Вечер добрый, милсдарь, — сказал он.

— БЕЗУМНАЯ НОЧКА.

Он почуял запах мокрого коня, которого завели в кузню. Подковы цокали по плитке.

— На горне чаёк кипятится, а наша Дрин испекла нам печеньки, они в коробке с надписью: «Презент из Анк-Морпорка».

— СПАСИБО. НАДЕЮСЬ, У ВАС ВСЕ ЗДОРОВЫ?

— Да, милсдарь. Я уже и подковы изготовил. Надолго вас не задержу. Знаю, вы ж у нас... типа, занятой.

Он услышал, как шаги гостя проклацали через комнату к старому кухонному креслу для клиентов — вернее, для их хозяев.

Джейсон заранее разложил инструменты, подковы и гвозди под рукой на скамье у наковальни. Вытер руки о фартук, взял напильник и принялся за работу. Не любил он подковывать нахолодную, но ладно, всё ж таки занимался этим с десяти

лет. Он и на ощупь мог всё сделать. Взял рашпиль и принялся за дело.

Надо признать: то был самый спокойный конь, какого он только видал. Жаль, что он и не видал его на самом деле. Верно, изрядная то была лошадка...

Но папаша говорил: даже не думай подглядывать.

Он услыхал, как булькает чайник, как ложка издаёт звяк-звяк, размешивая чай, а затем глухо брякает — это её отложили.

«Он не издаёт звуков, — говорил папаша. — Никаких, кроме как если ходит или говорит. Губы не шлёпают, ничего такого».

И не дышит.

«А, и вот ещё что. Когда снимешь старые подковы, не кидай их в угол, не вздумай расплавить со старым хламом. Храни их наособицу. Заведи для них отдельный тигель и новые куй только из того же металла. И что хочешь делай, но не подковывай этим железом никакой другой скотины».

По правде говоря, Джейсон отложил один набор таких старых подков, чтобы брать с собой на счастье на всякие игрища, — и ни разу с ними не проиграл. Он так часто выигрывал, что даже сам испугался, так что теперь подковы тихо висели на гвозде за дверью.

Время от времени ветер дребезжал в оконной раме или трещал в угольях. Грохот и кудахтанье снаружи подсказали ему, что курятник в том углу двора порвал связи с землёй.

Хозяин клиента налил себе ещё чаю. Джейсон закончил ещё с одним копытом и отпустил его. Затем протянул руку. Конь переступил с ноги на ногу и поднял последнее копыто.

Вот так конь — один на миллион! А то и больше.

Наконец он закончил. Ну надо же! Ни разу это много времени не отнимало. Джейсон часами не пользовался, но ему показалось, что работа, занимавшая порядка часа, *при всём при этом* закончилась в считанные минуты.

— Вот, — сказал он. — Готово.

— СПАСИБО. ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, ПЕЧЕНЬЕ ОТЛИЧНОЕ. А КАК ТУДА КЛАДУТ КУСОЧКИ ШОКОЛАДА?

— Без понятия, милсдарь, — ответил Джейсон, внимательно разглядывая изнанку повязки.

— РАЗВЕ ШОКОЛАД НЕ ДОЛЖЕН РАСТАЯТЬ, КОГДА ИХ ПЕКУТ? ЧТО ДУМАЕТЕ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

— Наверное, секрет ремесла, — сказал Джейсон. — Я про такое никогда не спрашиваю.

— МОЛОДЕЦ. ОЧЕНЬ МУДРО. А ТЕПЕРЬ...

Он должен был спросить. Пусть хотя бы ради того, чтобы всегда помнить: он спрашивал.

— Милсдарь?

— ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

— Есть у меня вопросец...

— ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

Джейсон облизнул губы.

— Кабы вот я... снял сейчас повязку, что б я увидал?